

Библиографический список

1. Дугин А.Г. Проект «Евразия». М., 2004.
2. Соболев А.В. Евразийство // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 2.
3. Россия и Запад: что разделяет?: мат-лы науч. семинара. М., 2009. Вып. 7 (16).
4. Дугин А.Г. Евразийство как политическая философия // Цивилизация и человек. 2012. № 4. С. 21–22.
5. Гасилин В.Н. Глобализм по-американски и Россия // Наука. Философия. Общество: мат-лы V Российского философского конгресса. Новосибирск, 2009. Т. II.
6. Гасилин В.Н. Что нам ждать от глобализма по-американски // Мат-лы Междунар. конгресса «Глобалистика-2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства». Москва, 20–23 мая 2009 г.: в 2-х т. / под общ. ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. М., 2009. Т. 1.
7. Рязанов А.В. Этнос в коммуникативном пространстве социума. Саратов, 2007.
8. Дугин А.Г. Социология русского общества. Россия между Хаосом и Логосом. М., 2011.
9. Малахов В.С. Народ // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; предисл. В.С. Степина. М., 2001.

M.V. Demidova
Social Risks in Conditions
of Symbolic Capitalism:
Philosophy and Methodology
of the Research

The author's method of scientific research – forecasting abduction – is presented. The research identifies new characteristics and types of social risks in conditions of symbolic capitalism, which are reflected in the concepts of “non-reflexive social risk” and “reflexive social risk”.

Key words and word-combinations: society, risk, symbolic capital, trust, self-analysis, abduction.

Представлен авторский метод научного исследования – прогнозная абдукция. В результате исследования выявляются новые характеристики и виды социальных рисков в условиях символического капитализма, которые отражены в понятиях «нерефлексивный социальный риск» и «рефлексивный социальный риск».

Ключевые слова и словосочетания: социум, риск, символический капитал, доверие, рефлексия, абдукция.

УДК [1:316]:167
ББК 60.000

М.В. Демидова

**СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ
В УСЛОВИЯХ
СИМВОЛИЧЕСКОГО
КАПИТАЛИЗМА:
ФИЛОСОФИЯ
И МЕТОДОЛОГИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Современный социум находится в ситуации серьезных изменений, имеющих отношение как к принципам устройства общества, так и к особенностям взаимодействия его субъектов. Это, в свою очередь, чревато нарастанием социальной рискогенности, так как любые изменения предполагают вероятность неоднозначного развития ситуации. По мнению руководителя саратовской научной школы исследования социальных рисков профессора В.Б. Устьянцева, «по мере нараста-

ния рискогенности общественных процессов происходит повышение сложности многоуровневых социальных систем» [1], поэтому переструктурирование социальной стратификационной системы и способов функционирования в ней неизбежно.

Сегодня под воздействием глобальных информационно-коммуникативных систем национальные социальные границы размываются, формируется новый тип общественного устройства – символический капитализм. Он базируется на принципах функционирования символического капитала, лежащего в основе габитуса, регулирующего и направляющего развитие социума. Согласно П. Бурдьё, символический капитал – это «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы в той же мере, в какой сам производится ей» [2, с. 231]. Такой капитал выступает в качестве стратегии накопления доверия, чести, престижа и возникает только в результате социального взаимодействия, направляемого и регулируемого габитусом как образом жизни, происходящим из того или иного жизненного опыта конкретной социальной группы.

В стратификации такого общества можно выделить два основных класса: символические капиталисты – те, кто уже имеет большой символический капитал, и символические рабочие, только начинающие его зарабатывать. Остальные классы – когнитариат, прекариат, креативный класс, известные люди – производные от двух первых. Социальное взаимодействие в условиях символического капитализма осуществляется на основе четырех составляющих: 1) наличия *символического капитала* как стратегии накопления кредита доверия, чести и престижа; 2) функционирования *человеческого познания*, проявленного в двух формах символического капитала как познавательных стратегиях социального функционирования – рефлексивной и нерефлексивной; 3) наличия *условий человеческой деятельности*, выраженных на институциональном уровне социума и в его габитусе; 4) владения *средствами осуществления взаимодействия* – коммуникацией, осуществляемой посредством языка.

В новых условиях субъект социального взаимодействия оценивает собственные перспективы деятельности, выбирает альтернативы с заранее неизвестным результатом, что является рискогенной составляющей его поведения. «Специфика социального риска в какой-либо исторический период обусловлена конкретной социокультурной средой, и, будучи атрибутом общества, социальные риски подвержены определенной социальной и культурной динамике, задаваемой характером развития общества и цивилизации в целом» [3, с. 10]. По мнению В.Б. Устьянцева, «отношение к глобализирующимся рискам детерминировано потребностями общества в самосохранении и устойчивом развитии» [1, с. 109].

Попытка исследования современных социальных рисков была предпринята одним из представителей саратовской философской школы И.А. Афанасьевым, определившим риск как «деятельность субъектов риска, суть которой состоит в оценке результатов комплекса альтернатив в координатах “шанс – опасность”» [4]. Применяя в качестве основного методологического принципа исследования дискурсивную стратегию анализа социальных рисков, И.А. Афанасьев следует двумя путями анализа: путем, «связанным с объяснением источников риска и

его значения в обществе и путем построения социальных технологий минимизации риска и оценки их эффективности» [4, с. 7]. В результате его исследования в числе основных источников риска выступают оценки субъектом определенных условий окружающей среды, а основными составляющими механизма минимизации и управления рисками на уровне социума выступают «институционализация, страхование, профилактика рисков и экспертная деятельность».

Возможно, достаточно плодотворное исследование И.А. Афанасьева могло быть более полным и конкретным, если бы были учтены символично-капиталистические особенности функционирования современного социума. Изменение социальной структуры социума и принципов взаимодействия в нем, ведущие к возможным новым социальным рискам, предполагает использование соответствующей методологии их исследования. Она может включать традиционные исследовательские подходы, но приоритетным все же является подход, сообразный современным социальным реалиям.

При выборе такой методологии нужно исходить прежде всего из особенностей изучаемой сферы исследования. В нашем случае она социально-символическая, поэтому приоритетные методы – теоретические, но позволяющие выявлять эмпирические законы, а основной среди них – абдукция. Этот метод исследования впервые был подробно описан и применен Ч. Пирсом в начале XX в. «Абдуктивные рассуждения чаще всего используются для открытия эмпирических законов, которые устанавливают необходимые регулярные связи между наблюдаемыми свойствами и отношениями явлений. Теоретические законы не могут быть открыты таким путем, поскольку они содержат абстрактные понятия, которые нельзя наблюдать на опыте. Поэтому путь к ним идет через гипотезы или системы гипотез, которые проверяются обычно путем логического вывода из них эмпирических законов» [5, с. 44]. Задача абдукции – осуществить принятие объяснительных правдоподобных гипотез. Вместе с этим философское осмысление исследуемой тематики может способствовать интеграции ее отдельных аспектов в направлении выявления единой универсальной методики исследования социальных рисков. В данном случае уместно применение метода абдукции, дополненного прогнозным рассмотрением социальных рисков. Данная методика позволяет обратиться к начальному этапу исследования рисков – их выявлению.

Выявление потенциальных социальных рисков – процедура, лежащая в дискурсивной плоскости, как справедливо отмечено И.А. Афанасьевым. В условиях же символического капитализма основным путем выявления социальных рисков выступает выявление степени доверия к дискурсу. Возможно, поэтому в современном социуме актуализируется понятие «стратагемность» как обманно-манипулятивная технология влияния на сознание: «Обманщики стремятся внушить своим потенциальным жертвам чувство полного доверия, лишь после этого приступают непосредственно к обману. Здесь все идет в дело: формирование соответствующей репутации и создание имиджа правдивого, честного человека...» [6, с. 118].

Репутация как реальная ценностная характеристика субъекта, а имидж как идеальная выступают в качестве основных слагаемых символического капитала.

Цель намеренного имиджирования субъекта состоит в получении денежных, а также символических выгод, к которым относятся выгоды политического, социального, психологического, эстетического, религиозного и аксиологического характера. Чем большее доверие они вызывают, тем большими будут символические выгоды.

Произведение благоприятного впечатления, внушение чувства доверия, представляет собой рискованную тактику как для имиджируемого субъекта, так и для объекта имиджевого влияния. Риск имиджируемого субъекта состоит в несоответствии репутации и вероятности его обнародования, что в перспективе чревато недоверием, то есть уменьшением символического капитала. Риск объекта имиджевого влияния – быть обманутым в том случае, если имидж вымышлен и используется в корыстных целях по отношению к объекту влияния.

Выявлению достоверности дискурса может способствовать метод прогнозной абдукции. Его суть состоит в исследовании фактов и построении гипотезы, объясняющей их механизм и прогнозирующей последствия его действия. Если применить данную методику к приведенным фактам относительно стратегии функционирования доверия в современном социуме, то в качестве ключевого понятия для ее изучения выступает *человеческое познание*, проявленное в двух формах символического капитала как познавательных стратегиях социального функционирования – рефлексивной и нерефлексивной. Такое разделение осуществлено исходя из рефлексивности и нерефлексивности доверия. Доверие – это «установка личности на то, чтобы поручить себя кому-то или признать что-то без процедуры убеждения, например, доказательства. ...Это особый вид подчинения – подчинение авторитету» [7, с. 5]. Иными словами, доверие выступает в качестве власти над тем, кто доверяет. Рефлексия выступает в качестве деятельности самопознания, раскрывающей «специфику душевно-духовного мира человека. Рефлексия в конечном итоге есть осознание практики, мира культуры и ее модусов» [8, с. 445]. Следовательно, к числу нерефлексивных форм познания можно отнести миф и религию, где знание, носящее образно-интуитивный характер, не требует доказательства.

Основными нерефлексивными способами получения знания являются ощущения, непосредственные переживания и интуиция. Они характерны для религиозного, мифологического и обыденного опыта жизнедеятельности человека, когда он не прибегает к рациональным объяснениям происходящих событий. Доверие, строящееся на данных способах получения знания, лежит в основе *нерефлексивной формы символического капитала*.

К числу рефлексивных форм познания относится наука как система получения достоверного знания. Для рефлексии обязательно осознание знания, его доказательность, обоснованность и достоверность, что достигается логической или эмпирической аргументацией. Доверие, рационально обоснованное, лежит в основе *рефлексивной формы символического капитала*.

Инструментальной составляющей реализации стратегии символического капитала выступает язык как коммуникатор между членами социума. Он также является основным средством социализации. С его помощью оформляется смысловая реальность, транслируются знания и ценности, содержащие человеческий опыт в жизненном мире.

Главным регулятором социального взаимодействия на институциональном уровне являются формальные нормы, зафиксированные в правовой системе. Эта сфера является основной средой функционирования *рефлексивной формы символического капитала*. *Нерефлексивная форма символического капитала* является социальной стратегией на уровне габитуса, где главным условием отношений выступают ценности, выраженные в традициях, обычаях, ритуалах в качестве нерефлексивных индивидуальных и коллективных социальных практик.

При взаимодействии институционального уровня общества и габитуса ведущей и направляющей формой символического капитала выступает все же его нерефлексивная форма. Это происходит, согласно П. Бурдьё, по причине того, что установленные институционально правила содержат значительную долю неопределенности. Исходя из такой специфики, они могут быть применены в зависимости от обстоятельств: «...габитус устанавливает с социальным миром, продуктом которого он является, настоящее онтологическое соучастие, принцип знания без осознания» [9, с. 22].

Исходя из данной специфики доверия, восприятие дискурса может осуществляться рефлексивно и нерефлексивно. Слухи, сплетни, предсказания магов, вырванная из контекста информация, любые знания, воспринимаемые нерефлексивно, то есть основанные на нерефлексивной форме символического капитала, могут являться причиной *нерефлексивных социальных рисков*. Они сложнопрогнозируемы, а поэтому их профилактика, минимизация и локализация могут быть затруднительны. Причиной *рефлексивных социальных рисков* может являться знание, воспринимаемое рефлексивно, то есть основанное на рефлексивной форме символического капитала. Такие риски рационализированы, поэтому более прогнозируемы, могут быть подвергнуты профилактике, институционально минимизированы и нивелированы.

Институционализация, согласно П. Бурдьё, относительно рефлексивна, она есть «объективация и воплощение как аккумуляция в вещах и телах всей совокупности исторических приобретений, несущих на себе отпечаток условий своего производства и стремящихся породить условия собственного производства» [10, с. 142]. Габитусы характерны в большей степени для зон неустойчивой социальной структуры, так как в большей степени основаны на нерефлексивном восприятии окружающего мира.

Задача исследователя социальных рисков – посредством прогнозной абдукции установить характер восприятия социального дискурса (рефлексивный или нерефлексивный). Такая методологическая позиция позволяет выйти на начальный уровень изучения социальных рисков с тем, чтобы в дальнейшем получить более достоверные результаты.

Таким образом, в результате проведенной работы автором впервые был сконструирован и применен новый метод научного исследования – *прогнозная абдукция*. Ее суть состоит в изучении фактов и построении гипотезы, объясняющей их механизм и прогнозирующей последствия его действия.

Кроме того, с помощью данного метода впервые выявлены новые характеристики и виды социальных рисков в условиях символического капитализма, которые отражены в новых понятиях:

1) *рефлексивный социальный риск* – риск, воспринимаемый рефлексивно, то есть основанный на рефлексивной форме символического капитала;

2) *нерефлексивный социальный риск* – риск, воспринимаемый нерефлексивно, то есть основанный на нерефлексивной форме символического капитала.

Результаты проведенной работы подводят к следующим вопросам: взаимодействия рефлексивных и нерефлексивных рисков на уровнях институтов и габитуса, институционального регулирования габитуса; создания новых проектов управления рисками; способов дезэскалации стратегичности в социальном взаимодействии. Дальнейший научный поиск в намеченных направлениях усложняется специфическими характеристиками социальных рисков, обусловленных глобальными социальными изменениями: «Глобализация риска в условиях открытого пространства-времени в субъективном плане означает, что постоянное нарастание рисков неизбежно подводит к некоему пределу, за которым угрозы и опасности уже не имеют значения, поскольку результаты решений становятся полностью неподконтрольными. Более того, в условиях глобального социума уже нельзя однозначно отделить субъектов риска от субъектов опасности» [3, с. 13]. В то же время «изменения в современной глобальной цивилизации обусловлены во многом процессами коммуникационной динамики, под которой можно понимать обмен ценностно-значимой информацией между индивидуальными и социальными субъектами» [11, с. 55], «социальная динамика – это порождение коммуникации» [11, с. 58]. Указанные обстоятельства нацеливают дальнейшие изыскания относительно социальных рисков на изучение коммуникативных практик в условиях символического капитализма.

Библиографический список

1. *Устьянцев В.Б.* Риски в пространстве власти: концепты и проекты // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7: Философия. 2011. № 2 (14). С. 106–112.
2. *Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001.
3. *Иванов А.В.* Социосинергетическая динамика общества риска: методологический аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007.
4. *Афанасьев И.А.* Социальный риск: методологические и философско-теоретические аспекты анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2004.
5. *Рузавин Г.И.* Абдукция как метод поиска и обоснования объяснительных гипотез // Теория и практика аргументации. М., 2001.
6. *Барышков В.П.* Макиавеллизм и стратегичность как способы политической и повседневной деятельности // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 1. С. 116–120.
7. *Неважжай И.Д.* Знание, вера, доверие и научное образование // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 6. СПб., 2010. Вып. 3. С. 3–6.
8. *Огурцов А.П.* Рефлексия // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 445–450.
9. *Бурдые П.* Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 16–31.
10. *Бурдые П.* Мертвый хватает живого // *Бурдые П.* Социология социального пространства. М., 2007. С. 121–156.
11. *Орлов М.О.* Этика дискурса как основа стратегии социализации в глобализирующемся мире // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. Саратов, 2012. Т. 12, вып. 2. С. 55–59.